

ГЛАВА 19

Увидев, как эти двое обнимаются, Цзя Лун, несмотря на свой почтенный возраст, почувствовал, как к лицу прилила краска.

Чу Цзюинь, заметив управляющего, и не подумал отстраняться. Он всё так же крепко прижимал Янь Цзызюня к груди и лишь спустя добрую минуту, выбрав момент, осторожно уложил его обратно на кровать.

— Господин, как там гээр? — Цзя Лун, склонив голову, украдкой заглянул за полог.

Заметив, что к лицу Янь Цзызюня вернулись краски, он понял: Чу Цзюинь нашёл способ вытащить мальчишку с того света.

Сам Господин выглядел вконец изнурённым, дыхание его было прерывистым и слабым. На вопрос управляющего он лишь медленно, с трудом кивнул.

Цзя Лун, видя, что дело неладно, поспешил прижать ладонь ко лбу хозяина.

— Что с вами, Господин? Отчего вы весь в поту?

Чу Цзюинь лишь горько усмехнулся.

— А ты как думал? Я видел, что он на грани, и никакие снадобья уже не помогут. Пришлось передать ему свою змеиную жемчужину и влить в него запас духовных сил за две сотни лет.

Цзя Лун не нашёлся что ответить. В голове лишь мелькнула мысль: хоть паренёк и натерпелся страху, но раз уж выжил — значит, судьба к нему благосклонна.

Чу Цзюинь присел у кровати и, подняв взор, спросил:

— Цзя Лун, ты служишь мне давно и знаешь мой нрав. Скажи, когда я стал... таким?

Управляющий замялся, но в конце концов решил не лукавить:

— Раньше вы, Господин, хоть и были остры на язык, но сердце имели доброе, да и к нам относились милостиво. Но двенадцать лет назад, после того тяжёлого ранения, когда вы едва не растеряли всё мастерство... С тех пор, как оправились, нрав ваш становился всё более неистовым.

Чу Цзюинь понимал, что тот говорит правду.

— И то верно. Все эти годы я был усерден в практике, но толку — чуть. Не то что пробиться к стадии Великого совершенства не могу, так ещё и при малейшей оплошности кровь в жилах закипает, грозя хлынуть вспять. Продолжится так — и я скоро стану слабее Чжу Тяньгана.

Он взглянул на Цзя Луна и мягко улыбнулся:

— Все эти годы я был глух к земным заботам. Лишь благодаря твоим трудам в доме сохранялся порядок, и люди как-то уживались с таким несносным хозяином, как я.

Цзя Лун задрожал. Он рухнул на колени, обхватив ноги Чу Цзюиня, и с болью в голосе воскликнул:

— О чём вы говорите, Господин! В нынешние беспокойные времена всем нам только под вашим крылом и дышится спокойно. Переживём это небесное бедствие — и всё наладится. Молю, не говорите больше таких горьких слов.

Видя, что его минутная слабость так расстроила старика, Чу Цзюинь поспешил поднять его с колен.

— Янь Цзызюнь вне опасности. Пусть Ху Бинцин приглядывает за ним. А когда он окончательно поправится... найди повод и отпусти его домой.

Цзя Лун застыл, ошарашенный. Он стоял и хлопал глазами, не в силах осознать услышанное.

«Неужели Господин так вымотался, что заговариваться начал? — пронеслось в голове управляющего. — Заставил меня тащить парня за тридевять земель, грозился извести его всеми способами, а теперь, стоило этому гэеру разок взбрыкнуть и получить плетей — и всё, сердце дрогнуло?»

Глядя на хозяина, Цзя Лун гадал: неужто и впрямь пожалел?

Чу Цзюинь, словно прочитав его мысли, не стал вилять:

— Не строй догадок. Он мне всё так же неприятен. Но держать его здесь слугой, изо дня в день сыпать проклятиями и побоями... Это лишь туманит мой разум, а толку никакого. Он едва не испустил дух по моей пьяной дурости — будем считать, мы в расчёте. Пусть то, что случилось в детстве, останется в прошлом. Моя месть исполнена.

Цзя Лун, тронутый великодушием Господина, поспешил поклониться от имени Янь Цзызюня.

Янь Цзызюнь пришёл в себя лишь три дня спустя.

Из-за ран на спине ему пришлось все эти дни пролежать ничком на маленькой кровати. Когда сознание наконец прояснилось, он почувствовал себя так, словно руки и ноги приставили чужие: конечности совершенно не слушались, даже пошевелить пальцем стоило огромных трудов.

Всё это время за ним ухаживала Ху Бинцин. Но поскольку она была женщиной, а раны располагались в весьма деликатном месте, обмывать и перевязывать его было неудобно. Поэтому Цзя Лун приставил к ней в помощники Сяо Лю, чтобы тот взял на себя все интимные заботы.

Увидев, что Янь Цзызюнь открыл глаза, Сяо Лю не посмел его переверачивать. Он подложил под грудь больного мягкий валик и осторожно, по капле, напоил водой. А когда к тому вернулось чувство голода, скормил ему чашку жидкой каши.

— Ну что, ослиное твоё упрямство, в следующий раз снова полезешь на рожон? — Ху Бинцин вытерла ему губы, но голос её звучал сурово. — Скажи мне, у тебя жизнью как у кошки, что ты смеешь так дерзить хозяину на глазах у всех?

Янь Цзызюнь, к которому понемногу возвращались силы, упёрся локтями в матрас и слегка развернулся набок.

— Я не мог иначе. Не хотел, чтобы этот безумец... Господин, выместил зло на Сяо Лю. Если бы такие побои достались мальчишке, он бы точно не выдюжил.

Услышав это, Сяо Лю отставил плошку и, припав к руке Янь Цзызюня, разрыдался:

— Гэ-гэ, я знаю, что ты меня жалеешь... Отныне ты мне как родной брат...

— Тьфу на тебя! Какой ещё родной брат? — Ху Бинцин не на шутку рассердилась. — Ты просто дурак, Сяо Лю! Врёшь на каждом шагу, не разбирая места и времени. Если бы Господин не приложил столько сил, спасая его, ты бы сейчас уже поминальные бумажки во дворе жёг!

Эти слова заставили Янь Цзызюня и Сяо Лю замереть в изумлении.

— Что вы на меня вылупились? Янь Цзызюнь, я не понимаю тебя. Сяо Лю с детства всеми избалован, он глуп и наивен, но ты-то старше! Я всегда считала тебя человеком рассудительным. Как же тебя угораздило так сорваться?

Янь Цзызюнь опустил голову. Он искренне уважал тётушку Ху и не смел ей перечить, потому ответил тихо:

— Гнев в голову ударил. Сяо Лю ошибся не со зла, и я сделал всё, чтобы исправить оплошность. Но Господин всё равно решил нас покарать. Неужели какая-то сломанная цитра стоит того, чтобы губить преданных людей? А то, как он меня поносил...

Ху Бинцин не выдержала и, подскочив к кровати, замахала руками:

— Ты ещё и оправдываешься! Думаешь, я за хозяина заступаюсь? Нет, за тебя дурака боюсь! Пойми ты: против лома нет приёма! Видишь, что человек в ярости и власть в его руках — так прикуси язык! Какой прок в твоей гордости, если тебя в землю закопают? Будь я такой же строптивой, меня бы уже раз семнадцать со свету сжили.

Янь Цзызюнь понимал, что она права. В тот день он и впрямь обезумел от слов Чу Цзюиня.

Он не смог защитить Сяо Лю и едва не сгинул сам. И хотя он не знал, какими чудесными силами Господин вернул его к жизни, сейчас ему приходилось в одиночку терпеть невыносимую боль. Стоила ли того минутная вспышка?

Сяо Лю, видя, что Ху Бинцин не унимается, раскинул руки, заслоняя Янь Цзызюня.

— Брат и так весь изранен, хватит его ругать! — крикнул он.

Ху Бинцин, видя бледность Янь Цзызюня, и сама поняла, что погорячилась. Она неловко замялась и в конце концов извинилась.

Янь Цзызюнь зла не держал. Он слабо улыбнулся мальчишке:

— Сестрица Ху за нас горой стоит. Она ведь все эти дни глаз не смыкала, ухаживая за мной. Ты глянь, Сяо Лю, у неё глаза опухли, как абрикосовые косточки. Небось, не раз поплакала втихомолку?

Сяо Лю хохотнул:

— И то верно! Пару дней назад вообще на персики похожи были, сейчас хоть получше стало!

Все трое невольно рассмеялись, и тяжёлая атмосфера мигом развеялась.

В этот момент в дверь постучали. Смех оборвался, и Сяо Лю вприпрыжку бросился открывать.

Первым, что он увидел, был изящный резной ларец для еды. Мальчишка поспешно принял его и крикнул вглубь комнаты:

— Цзюнь-гэер, мой дедушка пришёл!

Лу Чуньлинь вошёл в комнату. Увидев, как сильно пострадал Янь Цзызюнь из-за его внука, он не сдержал слёз. Лишь спустя время, утерев лицо, старик вспомнил, зачем пришёл:

— Слыхали новость? В следующем месяце Господин собирается в Линьянь-фу.

Присутствующие лишь покачали головами. Сяо Лю вставил:

— Хозяин едет по делам, нам-то что за печаль? Зачем ему нам докладывать?

— Цыц ты, мели, Емеля! — Лу Чуньлинь легонько стукнул внука по затылку. — То, что Господин уезжает — дело привычное. Странно другое: он велел, чтобы Цзюнь-гэер ехал с ним.

Янь Цзызюнь почувствовал, как сердце ушло в пятки. Ху Бинцин подхватила его, не давая упасть, и быстро спросила:

— Откуда такие вести?

— Да не выдумываю я, — ответил Лу Чуньлинь. — Старый У за обедом шепнул.

Для Янь Цзызюня это известие стало громом среди ясного неба. Если бы не быстрая реакция Ху Бинцин, он бы точно свалился с кровати.

Видя, что парень совсем растерялся, тётушка Ху принялась его утешать:

— Да мало ли что Старый У наплетёт! Не бери в голову. Гляди лучше, что Лао Лю принёс. Сяо Лю, не стой столбом, тащи табурет, поглядим, что там за яства.

Мальчишка мигом приволок низкую скамью. Стоило им откинуть крышку ларца, как комнату наполнил аромат: на верхнем ярусе ровными рядами стояли четыре чашки с ещё дымящимся сахарным запечённым творогом.

Ху Бинцин тут же поднесла ложку к губам Янь Цзызюня.

— Таковую вкуснятину не каждому дают отведать. Забудь пока о тревогах, сперва подкрепись...

Цзя Лун, услышав слухи, тоже не знал, верить им или нет, а потому поспешил в Цзинге за

разъяснениями.

Этот павильон наполовину стоял над водой, служа и кабинетом, и спальней. Стены были украшены свитками, полки ломились от книг и цитр. На сторону озера выходило огромное круглое окно, затянутое тончайшим шёлком — оно сияло, словно полная луна. Чу Цзюинь, сменив привычный наряд на облачение цвета водяного дыма, стоял у окна, заложив руки за спину.

— Вы и впрямь решили принять приглашение господина Чжу? — спросил Цзя Лун, почтительно сложив руки. — Если так, я немедленно велю собираться.

Чу Цзюинь небрежно махнул рукой.

— Не спеши. Месяц ещё в запасе есть, успеете.

Цзя Лун замаялся, а затем спросил снова:

— От Дунтина до Линьаня больше тысячи ли. Как добираться будем? Кого изволите взять в свиту?

Чу Цзюинь ненадолго задумался.

— Вели готовить повозки, поедем по суше. Хочу полюбоваться видами, сменить обстановку. Со мной поедешь ты, пятеро охранников, да возьми ещё тех двух девчонок из Тунъюнь-лоу.

— И всё? — хитро прищурился Цзя Лун.

— Пока всё... Впрочем, раз уж ты спросил, возьми ещё одного.

— Кого же? — старик старательно изобразил непонимание.

Упоминание этого человека явно заставило Чу Цзюиня нервничать.

— Кого-кого? Того, что в лачуге сейчас пластом лежит!

Цзя Лун и без того знал мысли хозяина, но, решив подыграть, снова спросил:

— Вы же хотели вскоре отпустить его домой?

Чу Цзюинь с досадой поморщился.

— Куда ему идти? Семья-то вся полегла. Раз уж Чжу Тяньгану он приглянулся, пусть потом у него и остаётся!

Услышав это, Цзя Лун лишь согласно кивнул. Получив последние наставления, он отправился исполнять волю Господина.

<http://bllate.org/book/17484/1695685>